

Ахмад Иравани³

ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ: РЕЛИГИЯ КАК ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ

Национальные интересы всегда были спорным концептом с тех самых пор, как эта фраза стала широко использоваться для описания внешнеполитических целей государств. Хотя этот концепт встречался и до XX века, широкое распространение для описания внешнеполи-

тической деятельности наций он получил только после Второй мировой войны. Концепт был неоднозначен всегда, а глобальные изменения последних двух десятилетий только добавили неясности. Глобализация, возникновение новых идентичностей внутри и между государствами и текущие транснациональные вопросы, которые добавились к прочим интересам, требуют пересмотра понятия национальных интересов.

Одно из самых важных достижений последних лет — возникновение инспирированных религией политических течений на Среднем Востоке и в Африке, которые поддерживают некоторые формы религиозного правительства. Этот феномен еще больше усложнил международные отношения и подверг сомнению определение национальных интересов, связанное исключительно с властью и государством.

³ Директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии. Научный сотрудник Католического университета Америки (CUA). Автор научных работ по исламскому праву, философии, теологии, экономике, в т. ч.: “Community principles play out as campus explores Islamic”, “Global Agenda Council on the Role of Faith 2014–2016”, “Davos Insights: Society and Security” и др.

В данном докладе внимание акцентируется на религии как важной переменной в международных отношениях и транснациональных процессах. Кроме того, мы попытаемся рассмотреть, каким образом религия может играть положительную роль для решения текущих проблем; каковы теоретическая и аналитическая базы концепта, современные проблемы; как религия, в частности ислам, влияет на международные отношения в современном мире.

Идея национальных интересов

Так же как и любой другой социологический концепт, национальные интересы не являются объективным критерием, согласно которому формируются и могут быть оценены политические процессы. Концепт должен иметь теоретическое обоснование. Рассматриваемый концепт, пожалуй, наиболее близок к реалистической школе международных отношений¹. Классический реализм Г. Моргентау и структурный реализм К. Уолтца, хотя и с разными формулировками, в основном занимаются собственными интересами государства, максимизацией безопасности и выживанием. В реалистической традиции национальные интересы определяются в терминах власти и как объективный критерий, в соответствии с которым государство разрабатывает свою политику².

В таком определении существуют два фундаментальных элемента. Первый заключается в том, что неисторическая и универсальная обоснованность концепта должна определять национальные цели. Второй заключается в идее, что власть влияет на определение государственных интересов³. Конечно, реалистическое определение власти в основном охватывает материальные аспекты в ущерб нормативным компонентам. Либеральные теоретики возражают реалистам, формулируя более расплывчатое определение власти, что приводит к возможно более ясному определению национальных интересов. Для либеральных теоретиков не существует абстрактных и универсальных интересов, выведенных государством. Формулировка национальных интересов начинается с внутренних политических процессов. Институты и группы борются за то, чтобы их предпочтения признавались национальными интересами⁴. Такая восходящая перспектива отличает либералов от реалистов и конструктивистов. То, как либеральные интернационалисты понимают власть, позволяет им быть более внимательными к непрерывно меняющейся международной структуре и обстановке и в то же время дистанцироваться от концепта национальных интересов как неизменной абстракции.

Конструктивисты обращаются к идеационным вопросам при определении поведения государств. В рамках конструктивизма национальные интересы опреде-

ляются самобытностью государства, которая складывается в международной социальной структуре. Концепт национальных интересов становится отражением самобытности и развития государства в результате взаимодействия с другими государствами⁵. То, как государства определяют себя сами в рамках межсубъективно сконструированного мира, оказывает воздействие на определение национальных интересов. Для конструктивистов (по крайней мере наиболее влиятельных) культура, идеи и самобытность государств являются субъективными концептами, занимающими определенное место в международной социальной структуре. Таким образом, критические концепты международных отношений, такие как угроза, интересы и власть, переосмысливаются, что создает нормативную международную структуру.

Реализм, власть и основанное на понятии государства определение национальных интересов выдержали проверку временем и теоретическую и методологическую критику. Однако возможность критики остается. Во-первых, невозможно эмпирически продемонстрировать переход от публичных интересов к национальным, или, лучше сказать, государственным. Определять государственные интересы всегда будут люди, отвечающие за внешнюю политику. Во-вторых, реальный мир гораздо сложнее и станет еще более сложным в ближайшие годы, а расстановка приоритетов представляет для государств огромную сложность, так как включает необходимость делать выбор.

Последовательную политику, основанную на стандартах, выведенных из национальных интересов, всегда было практически невозможно проводить, отсюда и моральная дилемма. Она присутствует только в политических вопросах, связанных с правами человека, продвижением демократии и гуманитарной интервенцией. Данная моральная непоследовательность имеет наибольшее значение для ведущих мировых держав, так как у них, как правило, есть развернутое представление о своих интересах, которое касается всех сфер международных отношений и включает многочисленные пункты. И в-третьих, нельзя полностью устранить неоднозначность концепта как способа определения политики.

Таким образом, национальные интересы зачастую становятся инструментом риторического воздействия политиков и бюрократов. Мы едва ли сможем разрешить эти противоречия, потому что в постоянно меняющемся мире используются одни и те же концепты, что только добавляет вопросов. Несмотря на эти вопросы, соотношение сил на международной арене подвергнется более чем критической оценке, относящейся к уместности концепта.

Новые вопросы и старые концепты

Концепт национальных интересов достаточно подвергался критике и сомнениям, и к тому же глобальные изменения и испытания, через которые прошел мир, оставили еще больше вопросов к традиционной концепции национальных интересов. Мы рассмотрим

¹ См.: *Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1948.

² О кратком исследовании концепта в рамках двух школ см.: *Clinton W. D. The Two Faces of National Interest*. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1994.

³ *Morgenthau H. J. The Primacy of the National Interest // The American Scholar*. 1949. Vol. 18, № 2. P. 207–212.

⁴ *Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization*. 1998. Vol. 51, № 4. P. 516–521.

⁵ См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

некоторые из этих трансформаций и то, как они влияют на наше понимание и желание политиков и ученых выйти за рамки сложившихся разногласий.

Первая трансформация — это размывание территориальных границ государств и появление и активация субнациональных, вненациональных и супранациональных идентичностей. В связи со сжатием пространства-времени взаимоотношения и взаимосвязи между акторами увеличились в количестве. Появление новых этнических и национальных идентичностей привело к новым конфликтам, требованиям признания, а иногда и государственной независимости. Похоже, это явление — побочный продукт процесса глобализации. Глобализация — это не просто сжатие мира в отношении пространства-времени, а культурный сдвиг, ставший причиной непонимания, угрожающий суверенности и для некоторых государств — дестабилизирующий. Использование национальных интересов как руководящего принципа в разработке политики в поддержку или против некоторых из этих требований — непростое явление, возвращающее нас к дилемме противоречий. Государства постоянно встречаются с такими дилеммами и разрешают их, основываясь на том, что они считают своими национальными интересами.

Трансформация вторая: расхожее мнение гласит, что «век информации» и цифровая революция сильно повлияли на мир¹. Информационная революция повлияла на распределение мировых властей и международную систему и поставила под вопрос военную мощь как опору национальной власти. Информация в некотором роде укрепила положение кое-каких слабых до недавнего времени групп и государств, даже если экономические выгоды глобализации не были равномерно распределены между действующими лицами, что привело к структурному неравенству. В данном контексте интересы наций, возможно, сильнее переплетены друг с другом, так как крайняя бедность и бессилие имеют негативные последствия для других, особенно для более сильных и процветающих государств.

Трансформация третья: Стратегия национальной безопасности США, принятая в феврале 2015 года, определила окружающую среду и климатические изменения в качестве ведущих приоритетов как для своей администрации, так и для всего мира². Стремительная индустриализация и мировой экономический рост последних 50 лет настолько негативно повлияли на окружающую среду, что ее состояние стало вопросом национальной безопасности и мировой проблемой. В этой сфере интересы не могут оставаться исключительно национальными, и смотреть на них нужно как на транснациональные. В том же документе эпидемии представлены как проблема со своими строгими измерениями национальной безопасности; проблема, которая может угрожать всем государствам и всему человечеству. Таким образом, появление новых угроз — климатических изменений и эпидемиологических заболеваний — подрывает безопасность всех государств и требует объединенных усилий мирового сообщества,

¹ В этой части я полагаюсь на: *Nye J. S., Jr. Redefining National Interest // Foreign Policy. 1999. July/Aug.*

² *National Security Strategy (United States). 2015. Febr.*

основанных на переопределении концепта национальных интересов.

Трансформация четвертая, связанная и, возможно, вызванная двумя первыми, — появление в некоторых частях света экстремистских организаций, что влияет на все сообщество. Данный феномен больше не вписывается в рамки отдельно взятого государства или региона. Он угрожает большому количеству людей по всему миру. Терроризм стал транснациональной проблемой независимо от того, является ли он наследием непродуманных амбициозных военных планов, или результатом кризиса идентичности, вызванного глобализацией и культурной диффузией, или исключительно продуктом экономического неравенства, или же последствием всего вышеперечисленного. Такая проблема стала общей для национальных интересов многих стран. На первый взгляд кажется, что большинство террористических актов было совершено во имя религии. Исторически, религиозно мотивированные группы для достижения своих целей не использовали террор и экстремизм. Светские идеологии несут равную, если не большую, ответственность за совершенные зверства.

Ислам, государство и национальные интересы

Религия, как я уже упоминал, стала оказывать большее влияние в современном мире. В 1970-е и в начале 1980-х годов, когда академики и политики праздновали, казалось бы, окончательную победу светскости, мир стал свидетелем мощного возрождения религии на международной арене. И это неудивительно, так как с тех самых пор, как человечество задумалось о поиске смысла жизни и защиты от зла и ужаса, религия всегда предоставляла убежище страждущим. Религия является значительным фактором — рассматривать ли ее как инструмент наполнения жизни смыслом, или как субъективную составляющую человеческой личности, определяющую социальную и коллективную принадлежность. Иногда даже светские идеологии несут функцию предоставления индивидам и группам (можно сказать, и государствам) некоего нормативного ориентира, помогающего как в самозащите, так и в самоопределении. Концепт самоопределения в данном случае используется широко и включает не только само по себе самоопределение, но и самоукрепление и поиск признания и уважения. Таким образом, нет необходимости пересматривать то, как государства определяют национальные интересы и какой точки зрения на свои национальные интересы придерживаются некоторые государства и общества.

Нигде, кроме Среднего Востока, данный тренд не раскрылся сильнее. На Среднем Востоке ислам являлся больше чем сводом личных верований, оказывающим незначительное влияние на социальные и политические аспекты повседневной жизни. Религия имеет большое значение для социальной, культурной жизни индивидов и сообществ. Важная роль, которую ислам играет в жизни людей, делает эту религию не только источником смысла, но и средством выражения недовольства и требований. В то же время ислам выступил сдерживающим фактором для властных структур в не-

которых государствах региона. Процесс десекуляризации в отдельных частях Среднего Востока и Северной Африки имеет как восходящее, так и нисходящее направление. В некоторых государствах региона этот сдвиг представляет собой постепенные общественные изменения и в определенной форме культурное возрождение, а также попытку восстановления традиций. В других частях исламизация как движение, возглавляемое элитой, является скорее проектом социальной инженерии, который часто заручался поддержкой низов наряду с сопротивлением других социальных сил. Вне зависимости от природы, формы и степени исламизации эти государства и движения и их электорат прямо или косвенно влияют на формирование национальных интересов. Так, для того чтобы лучше понять проблему, полезно было бы понаблюдать за тем, как эти группы и движения определяют сами себя, а не огульно называть их «неверующими» в свою судьбу.

Глобальные проблемы, о которых говорилось в предыдущей части доклада, затронули и мусульманский мир. Основной проблемой неизбежно оказывался процесс глобализации, который повлек за собой множество других трудностей. «Натиск» европейской культуры потряс основы некоторых обществ. Век информации, привнесший новые формы общения с западным миром, вызвал проблемы культурных и исторических идентичностей в крупных сегментах популяции. Культуры и ценности коренных народов поставлены под угрозу с разных сторон. Глобализация и сопутствующие демографические изменения усложнили некоторые социальные и культурные дислокации, а новый мир создал внутренне противоречащие процессы адаптации и отторжения¹. Мусульманскую молодежь и элиту можно найти и на той, и на другой стороне от границы между адаптацией и отторжением. То, как мир, местные правительства и сообщества отвечают на этот изменчивый приток идей, символов и трендов, определяет будущую траекторию развития. Для огромного количества людей эти вопросы сводятся к каждодневной борьбе за то, чтобы свести концы с концами, какие бы противоречия ни существовали.

Экономическое неравенство и снижение общественного доверия к институтам и политическим лидерам, ответственным за обеспечение благосостояния и новых возможностей, создают ощущение безнадежности. Культурные и социальные дислокации, вызванные парадоксами процесса глобализации, проходят в ситуации экономической неудовлетворенности и неуверенности. Экономика большинства государств региона страдают от стагнации, безработицы и коррупции. Даже некоторые нефтяные монархии Персидского залива, не испытывающие недостатка в нефтяных деньгах, чувствуют тяжесть экономического давления и демографических изменений. Ситуацию усложняют авторитарные правительства и недостаток механизмов политического участия. Зачастую ислам используется (и используется неправильно) элитой для легитимации сохранения политического статус-кво, в то же время

как силы, противостоящие действующим правительствам, делают то же самое, оправдывая свои действия именем ислама и учением пророка.

Крайний экстремизм — всего лишь еще одно проявление этой комплексной легитимации в ответ на внутренние и международные проблемы мусульман, в особенности молодежи. Исламский экстремизм полагается на узкую, строгую и нетерпимую интерпретацию Корана. Огромное количество последователей этой искаженной интерпретации не были воспитаны в сообществах, оправдывающих экстремизм². На самом деле большинство из них росли в семьях с традиционным взглядом на роль религии. Политика экстремизма базируется на десятилетиями копившейся неудовлетворенности населения мнимой и реальной несправедливостью, а также на уверенности в том, что на их общества постоянно посягают другие страны, используя как предлог национальные интересы и интересы безопасности и пренебрегая интересами местного населения. Более того, избирательное и непоследовательное использование национальных интересов крупными державами добавляет к этой уверенности ощущение беспомощности и гнева, что обеспечивает приток новобранцев в террористические организации и подтверждает радикальную трактовку ислама. Сопоставление терроризма и религиозного экстремизма требует комплексного и всестороннего подхода.

Ухудшение состояния окружающей среды, климатические изменения и истощение ресурсов представляют собой иной набор проблем, с которыми пытаются справиться эти нации. На данный момент у них нет возможности сформулировать эффективную политику. Политические беспорядки, недостаток ресурсов, недооценивание долгосрочных и краткосрочных последствий и императивы экономического роста лишили эти проблемы статуса приоритетных. Как правительства и общественность оставили проблемы без должного внимания, так и культурные и религиозные традиции и институты не смогли создать должные основания, подчеркивающие важность охраны природных ресурсов и защиты окружающей среды. В общем и целом еще очень многое предстоит сделать в сфере окружающей среды, и это связывает интересы отдаленных друг от друга регионов; эти интересы являются всеобщими, а не национальными.

Ислам — часть решения, а не проблемы

Как я уже упоминал ранее, религия не является проблемой, но может послужить решением многих задач, с которыми сталкивается человечество. Многие из вопросов, о которых говорилось выше, не имеют простого ответа и требуют свежего, тщательного и всестороннего подхода. Вопросы культуры и идентичности являются одними из самых сложных в обстановке стремительно меняющегося мира. Ислам, в частности, представляет собой религию с богатой текстовой базой, которую можно интерпретировать по-новому. Теологический и философский подход (несомненно,

¹ О материалах, исследующих данный вопрос с разных перспектив, см.: *Globalization and the Muslim World: Culture, Religion and Modernity* / B. Schaebler, L. Stenberg (eds.). Syracuse : Syracuse University Press, 2004.

² Ислам и религия в целом не поддерживают насилия по своей сути. Анализ ненасильственной природы ислама см.: *Armstrong K. Fields of Blood: Religion and the History of Violence*. N. Y. : Alfred Knopf, 2014.

самый сложный и иногда противоречивый) обращается к мусульманской традиции за теоретическими инновациями. Юристы, теологи и философы должны принимать эту задачу всерьез, потому что она является сложной и долгосрочной, и при этом необходимой, так как от ее решения зависит судьба мусульманского мира. Тексты, традиции и высказывания пророка Мухаммеда, а превыше всего Священный Коран, предоставляют достаточные возможности для возрождения знаний, первооткрывателем которых однажды стал мусульманский мир.

Существует несколько основных сфер, на которых предполагаемое возрождение должно сосредоточиться. Первая — это возвращение к основополагающим текстам и традициям для того, чтобы восстановить исламский закон и право в соответствии с требованиями современности. Возможно, и даже необходимо, учитывать то, что говорилось и предписывалось мусульманскими учеными и юристами прежде, а именно понятие пространственно-временной потребности. Ранние мусульманские ученые и лидеры власти находили решения множества проблем и задач своего времени. Долгом современных мусульманских юристов и лидеров является учитывать особенности сегодняшней ситуации и находить решения общественных проблем, в частности тех, с которыми сталкивается верующая молодежь.

Эти политические и философские проекты, какими бы сложными они ни казались, в дальнейшем должны содействовать в решении проблем авторитарного правления и свобод. Крайне важно заниматься вопросами несправедливого правления и создавать новую систему, в которой есть место свободам, представительству и демократической ответственности. Исламские ученые традиционно полагаются на основные принципы свободного и демократического правительства. В Коране содержится огромное количество отсылок к концепту совета как механизма делиберации, медиации и создания выборной демократии. Конечно, нам вовсе не обязательно придерживаться западного представления о либеральной демократии. Ислам, конечно же, не может поддерживать авторитарное правление, и в истории раннего периода религии мы находим доказательство тому, как концепции справедливого правления и свободы личности поддерживались и претворялись в жизнь.

Коранические тексты и предписания ислама свидетельствуют о поддержке религией свободы выбо-

ра. Более того, исламское право и теология могут быть использованы для обеспечения более широкого участия масс в политических процессах. Партиципативная демократия не является сугубо западным понятием и продуктом. Наоборот, в некоторой форме такой режим практиковался ранним исламом. Новые работы в сфере философии и идеологии недавнего времени исследуют эти понятия со ссылками на оригинальные исламские тексты. Конечно, гораздо больше должно быть сделано в современной обстановке с использованием иджтихада — независимого доказательства, метода, принятого многими исламскими школами. Иджтихад является средством постоянной переинтерпретации классических текстов в контексте социальных перемен.

Мы живем в такой исторический период, когда интересы мировых государственных, негосударственных и супрагосударственных акторов тесно переплетены друг с другом. Традиционное понятие национальных интересов может являться полезным риторическим приемом для оправдания внешней политики, но глобальные трансформации, по крайней мере в большинстве случаев, больше не считаются с границами. Случаи крайнего экстремизма и терроризма, наблюдаемые в западном мире, связаны с процессами, происходящими в других частях планеты. Терроризм связан с многочисленными аспектами: экономическими, культурными, политическими и психологическими. Климатические изменения объединили судьбу человечества как никогда прежде. После всего вышесказанного можем ли мы теперь говорить об интересах сугубо национальных?

Религия — это важный источник, наполняющий жизнь людей смыслом, но в то же время она может являться и источником насилия и экстремизма. По моему мнению, религия, а в контексте настоящего доклада — ислам, должна быть и является частью решения. Все шаги, которые необходимо предпринять, должны начинаться с широкого национального и межнационального диалога. Участвовать в таком диалоге должны религиозные лидеры, влиятельные общественные фигуры и население в целом. Включение в дебаты современных исламских лидеров и институтов укрепляет гражданское общество и создает новые механизмы участия. В конечном счете гражданское общество и правительства государств мусульманского мира должны получить возможность влиять на то, как определяются национальные интересы и преследуются государственные цели.